

Коста Корсакас

всч

к 69

P 33074

Вразлуке

ОГИЗ · ГОСЛИТИЗДАТ · 1944

К О С Т А С К О Р С А К А С

В разлуке

С Т И Х И

Перевод с литовского

Предисловие
К. Зелинского

О Г И З

*Государственное издательство
художественной литературы*

Москва 1944

ПРЕДИСЛОВИЕ

Страницы этой книги представляют собой лирический дневник, принадлежащий перу одного из виднейших современных литовских писателей. Эти стихи — дань сердца, наполненного ненавистью к немецким захватчикам и огромной тоской по своей временно оставленной родине, по её милым лесам и полям. Это поэзия, которая вышла из взволнованной души разлучённого с родиной и семьёй человека, невольный монолог о том, о чём нельзя не сказать, что просится изнутри.

Основной мотив, которым проникнута книга, — это мотив родины и литовского народа на войне. История Литвы с незапамятных времён сложилась как история непрерывных войн с немцами, издавна пытавшимися покорить мирный и свободолюбивый литовский народ. Немало костей немецких «псов-рыцарей», грабителей из тевтонского ордена и иных захватчиков поглотила литовская земля. В знаменитой битве при Грюнвальде (1410 г.) войско тевтонского ордена было наголову разбито соединёнными литовско-польскими войсками при решающем участии русских смоленских полков. После этой победы объединённых союзных войск тевтонский орден уже не смог оправиться и восстановить своё былое политическое влияние.

В стихотворении «Вечная борьба» К. Корсакас вспоминает Грюнвальд как славу Литвы и восклицает, обращаясь к своему народу:

Напомни вековым врагам,
Как их при Грюнвальде разили.
Пускай знамёна светят нам,
Как некогда костры светили
С высоких башен по ночам.

Исторически судьбы Литвы всегда были тесно связаны с жизнью русского народа и русской культуры. Лучшая, передовая часть литовской интеллигенции, выросшая на идеях Белинского, Чернышевского, Некрасова, Добролюбова, читавшая Чехова и Горького, никогда не давала себя обмануть ложью националистов, пытавшихся ответственность за политику царизма перенести на весь русский народ, заслонить ею огромное общечеловеческое значение передовой русской куль-

туры и литературы. Октябрьская социалистическая революция была с огромным подъёмом встречена в Литве. К. Корсакас пишет в стихотворении «Советская Литва»:

Год рождения твой — восемнадцатый год грозовой,
Революции зори тебе засняли,
Указал тебе Ленин победы просторы.
Ты сегодня, как в детстве, всгаёшь передо мною живой —
Шли рабочие, гневно оружие сжимая,
И огнями надежды горели их взоры.

Однако литовскому народу недолго пришлось пользоваться плодами революции. Советская Россия была ещё тогда слаба и не могла прийти на помощь трудящимся Литвы. Силы реакции, при поддержке немецкого и вообще иностранного капитала, перешли в наступление и снова захватили власть в свои руки в Литве в 1919 году.

Литва была отрезана от Советской России, с которой она издревле и кровно была связана. Литва с её преобладанием сельского хозяйства стала превращаться постепенно в колонию немецкого и западноевропейского капитала. В Литве шёл всё возрастающий процесс фашизации. Фашисты и националисты разных мастей вели бешеную антирусскую пропаганду.

Однако не только рабочие и крестьяне, но и значительные слои литовской интеллигенции продолжали питать глубокие симпатии и интерес к Советской России. Пробираясь сквозь проволочные заграждения фашистской цензуры, в Литву приходили советские книги и журналы. Литовская профессура внимательно следила за советской изучной жизнью. Литовские писатели интересовались литературными дискуссиями в СССР, переводили лучшие советские книги — Горького, Маяковского, А. Толстого, Шолохова. Несмотря на то, что в буржуазной Литве русский язык отнюдь не был в почёте, передовая часть студенчества, литературная молодёжь по традиции продолжала изучать русский язык. В Каунасе выходило два журнала, всецело тяготевших к СССР, печатавших произведения советских писателей. Это — «Третий фронт» и «Культура». Именно на страницах этих журналов появлялись произведения тех передовых литовских поэтов и писателей, имена которых ныне хорошо известны и русскому читателю, — Венцлова, Цвирка, Саломея Нерис, Марцинкевичус, Шимкуе и др.

Из этой группы литовской передовой интеллигенции вышел и Корсакас. Будет уместно рассказать о нём подробнее, так как жизненный путь этого молодого и талантливого литовского литератора показателен для характеристики путей развития нового поколения передовой литовской интеллигенции.

Костас Пранович Корсакас родился 5 октября 1909 года в маленьком местечке Пашвитинис, в семье мелкого земледельца. С 1912 по 1918 год он жил в Риге. Возвратясь в Литву, Корсакас учился в про-

гимназии в городе Ионишкис, потом в Шауляйской гимназии. Уже на гимназической скамье Корсакас идет связей с коммунистами, интересуется советской литературой. Это не прошло ему даром. В 1928 году он прямо из гимназии попал в тюрьму и был осужден на шесть лет за подпольную коммунистическую деятельность. В конце 1930 года Корсакас по петиции ряда виднейших литовских писателей был амнистирован. Несмотря на свою молодость, Корсакас уже успел зарекомендовать себя в литературе. Он начал печататься с 1925 года, выступая со стихами, очерками, критическими статьями.

По выходе из тюрьмы Корсакас приступает уже к систематическому изучению литовской и русской литератур и поступает в Каунасский университет. В 1933 году Костас Корсакас фактически становится во главе крупнейшего журнала «Культура» — органа демократической, тяготеющей к Советскому Союзу, литовской интеллигенции — и редактирует этот журнал в течение восьми лет. Корсакас принимал также близкое участие в редактировании передового альманаха «Проблеск» и журнала «Литература». Журнал «Литература» был закрыт фашистами за его симпатии к Советскому Союзу.

В эти годы Корсакас выступает преимущественно как литературный критик, широко применяя в своих работах методологию советской критики. Первая книга Корсакаса «Статьи о литературе» вышла в 1932 году, вторая — «Критика» — в 1936 году, третья — «Писатели и книги» — в 1940 году. В 1938 году Корсакас выпустил своё исследование о латышских народных песнях. Затем он был редактором собрания сочинений народного литовского поэта Страздаса и ряда других книг, автором множества статей по литературе в литовской и латышской энциклопедиях, переводчиком Маяковского, Есенина, Горького, Райниса, братьев Каудзитис и др. За переводы Корсакасу была присуждена премия издательства «Спаудос Фондас», и он приобрёл репутацию одного из лучших литовских переводчиков.

После образования народного правительства Литвы Корсакас был назначен директором государственного телеграфного агентства «Эльта» и в качестве такового участвовал в делегации народного сейма Литвы на сессии Верховного Совета СССР. Впоследствии Корсакас перешёл на научную работу в Вильнюсский университет и Академию наук Литовской ССР в качестве учёного секретаря Института литовской литературы. С начала войны Корсакас является секретарём союза советских писателей Литовской ССР.

Таков прямой и идейно очень ясный путь одного из ярких и типических представителей молодого поколения современной литовской литературы. В крестьянской Литве, где многие писатели вышли из ксендзов, впитали традиции католической церкви, это новое поколение передовой литовской литературы символизирует собой переход на новую ступень, приобщение литовской литературы к идейной жизни всего прогрессивного человечества. И в этом своём духовном росте литовская литература естественно идёт навстречу советской литера-

гуре. Война против вековых врагов русского и литовского народов — против немцев — ещё теснее сплотила оправданную всей историей дружбу Литвы с Россией и дружбу их литератур. Не только к себе, но и ко многим друзьям своим, временно разлученным с родной, обращает Корсакас строки своего стихотворения «Тоска по родине»:

Любовь к родной земле, истоптанной тевтоном,
Излей на русские, свободные поля.
Литвину гордому не быть порабощённым,
Гляди: вся Русь — за ним, вся вольная земля!

Стихи Корсакаса наполнены иногда чисто публицистическими оборами, что избличает в авторе человека, привыкшего к прямому и логически законченному изложению своих мыслей. Но стихотворные размышления о судьбах Литвы и её истории не кажутся здесь лишними или риторическими. Нет, они естественно и по-человечески понятно сплетаются с общим настроением этой поэзии, рождённой разлукой с любимой родиной.

И хотя в книге глядит на нас и разящая ненависть к врагу, и вырывается часто публицистическое слово гнева, но всё же лирическая подоснова книги Корсакаса перёдаёт нам и другое чувство, чувств тихое и затаённое: невысказанного горя и любви. Стихи эти написаны в дни, когда Литва была под железными гусеницами немецких танков. И вот издалека, как милые видения, встают родные образы. Автор любит свою родную литературу, любит книги, вспоминает свою библиотеку, близких. Всё это рождалось в стихе, как воспоминание, чтобы ныне родиться в яви. Но и каждое воспоминание болью своей зовёт к мести и толкает руку к оружию. Вся литовская литература, все великие тени её зовут к оружию:

То Донелайтис нам вешает громче бури,
Как милую Литву пришлец тевтон томит.
Пусть кровь, что стыла в крови буров,
Терзает нас горчайшей из обид.
Бить немцев нас учил Валанчюс-архипастырь,
Нас Даукантас вводил в чертоги старины.
Тевтоны для Литвы готовили напасти...
Отцы на сечу шли, и мы идём — сыны.

Когда эти стихи придут к читателю, Советская Литва уже будет освобождена, и тогда эта поэзия тоскующего и гневного сердца сольётся со счастливыми слезами спасённых людей. Трагические события рожают героев, и они также будят в людях поэзию как выражение обострённого переживания действительности. И Корсакас, поэт, рождённый войной, может быть, скажет, переступая порог своего дома: я на Руси поэтом стал Литвы любимой.

Корнелий Зелинский

ВСПОМИНАЮ ТЕБЯ

Как тяжкий грех, прости мои сомненья,—
Всей силы я не знал любви своей.
Весть о тебе доносит вихрь весенний,
И шелест трав, и шорохи ветвей.

И тучи хмурые в далёком небе
Несут ко мне твои дожди и гром,
И месяц в волосах твоих, как гребень,
И звёзды в них сверкают серебром.

Всё снятся мне твои сады в расцвете,
И запахи полей, и синий бор,
Ты далеко, но ближе всех на свете,
В жемчужинах светящихся озёр.

В ушах моих звенят порой ночью
Литовских песен нежные слова,
И, словно тень, тоска моя со мною,
И неразрывен я с тобой, Литва!

Манит родное небо неустанно,
Хочу родную землю целовать.
Чтоб затянулась снова в сердце рана,
Я должен быть с тобой, Литва, опять.

1942

ВЕКОВАЯ БОРЬБА

Литва, тебя на бой зову,
Как в древности вайдилы звали.
Ты предо мной, как наяву,
Стоишь, поникшая в печали,
В дыму пожарищ грозových.

Вооружись, Литва, спеши!
Зажгись, как встарь, священным гневом.
Смети врагов и задуши,
Мори их выжженным посевам
И засухой полей твоих.

Нам не забыть твоей борьбы,
И славы подвигов старинных,
И грома пушечной пальбы,
И крови на твоих равнинах,
И пыла страсти боевой.

Кейстутис на коне гнедом,
С ним Витаутас летит, как птица.
Пусть слава новая огнём
Неугасимым загорится
Над непокорною Литвой.

Напомни вековым врагам,
Как их при Грюнвальде разили.
Пускай знамёна светят нам,
Как некогда костры светили
С высоких башен по ночам.

Пусть соберут полки на бой,
Как в старину их собирали.
Не будет родина рабой,
Она ответит грозной сталью,
Разбойникам и палачам.

Засвищут пули партизан,
Как некогда при Дурбе стрелы,
Кровь немцев потечёт из ран
В дубраве по земле замшелой,
В тени деревьев вековых.

Горжусь твоей борьбою я,
Как славой подвигов старинных,
Хотя кровавая струя
Ещё течёт в твоих равнинах,
В дыму пожарищ грозových.

1943

СОВЕТСКАЯ ЛИТВА

Год рождения твой — восемнадцатый год грозовой,
Революции зори тебе засияли,
Указал тебе Ленин победы просторы.
Ты сегодня, как в детстве, встаёшь предо мною живой —
Шли рабочие, гневно оружие сжимали,
И огнями надежды сияли их взоры.

Был отважен и смел ты, литовский народ мой, в борьбе
За свободу свою, за советское знамя.
До победы лишь миг оставался, не боле...
Но могильщики вырыли чёрную яму тебе.
И расправились люто, жестоко с бойцами,
И окуталось знамя твоё снова мраком неволи.

Но свободно в сердце народа жила ты, Литва.
В подземелиях тюрем росла ты, мужала,
Словом правды на битву рабочих сзывала,
И в судах гордо слушала ты приговора слова;
Голос твой в нашем слове «товарищ» звучал нам,
И под пулями сердце твоё не смолкало.

И пришёл этот день, что казался нам прежде мечтой,
Когда, сбросив тяжёлого рабства оковы,
Зашумела ты буйным весенним потоком, —
Украшала улыбка победы твой облик родной.
Песнь свободы росла в грохотании танка стального,
Самолёты сплетали венок тебе в небе высоком.

Ты, свободная, с братской семьёю народов слилась,
Всколыхнулись поля, зашумели заводы,
Сталин вёл тебя в светлые, ясные дали.
Стройным, пышным цветком поднималась ты, радуя глаз
В час, когда, посягнув на тебя, на свободу,
Крестоносцы воскресшие снова напали.

Снова вражий сапог топчет милую землю твою,
Окровавлена ты, руки скованы цепью,
Снова роют тебе кровопийцы могилу.
Будь же стойкой, родная Литва, и отважной в бою!
Для победы живи, для неё ты мужайся и крепи,
И обрушь на врага свою гневную, грозную силу!
1942

ЗИМА

В дуновении стужи, зимойю ледяною
Всё мне видится лето, родные поляны,
И бреду я под небом, тяжёлым от зноя,
По сосновому бору, от воздуха пьяный.

Пожелтели холмы от ковра золотого,
Песня жаворонка полилась с небосвода,
И, умывшись дождём, клевер тянется снова,
В лепестках ищут пчёлы душистого мёда.

Мне усадьбы дымок с ветерком посылают,
Вкусно пахнет он хлебом, и веет он лаской.
Здесь дневную работу весельем венчают,
Молодёжь потешается пеньем и пляской...

А теперь здесь сугробы легли на могилы,
Над глухим пепелищем пурги завыванье.
Сжалось сердце в неволе и бьётся без силы,
Из отчизны несётся глухое рыданье.

Лето! Жажду тебя с бесконечной тоскою,
Так, как жаждет воды журавлиная стая.
Пусть слезинка моя, что смахнул я рукою,
Даже в стужу падёт как роса золотая.

1941

КАРТА ЛИТВЫ

С литовской карты не свожу я глаз,
К ней возвращаюсь мыслями в печали.
Гляжу на линии её не раз, —
И родина встаёт из синей дали.

В зелёных пятнах вижу я леса,
Луга пахнули свежестью весёлой.
И в жёлтых рамах пашен полоса,
Сады, и трубами белеют сёла.
Извилиной проносится река,
И за телегами слежу я взором.
Уносит ветер в небо облака,
И солнце пламенеет по озёрам.

Все точки я шоссе соединил,
И рельсами дороги протянулись.
Родимый город, где я рос и жил,
Я снова прохожу вдоль тихих улиц!
А там, за посиневшею каймой,
Прохладу волны катят к берегам,
И золотой песок зовёт домой,
Сосновый шум зовёт и птичий гам.

Итак, передо мною на столе
Земля авкштайчей, жмудские луга,
И дзукские поля в песчаной мгле,
И Каунас упёрся в берега.

И Вильнюс там, где горы высоки;
В морях песка Паланга задремала,
Нерис, Дубиса — две родных реки,
И Немунас струится, как бывало.

Такая малая на карте ты!
И все-таки любовь к тебе жива.
Прекрасная, как солнце и цветы,
Моя Литва!

1941

КРОВНАЯ СВЯЗЬ

Я слышу, как звенят волной неторопливой,
Как гонят реки зыбь, синяя сетью жил,
И как в твоём лесу играет ветер с ивой,
Как просят злаки в зной, чтоб дождь их окропил.

Весной с твоих лугов плывёт туман высокий,
Душистый входит пар в тепло груди моей.
Там пигалица вьёт гнездо в глуши осоки,
Там солнышко траве внушает: зеленей!

С комком твоей земли дышу одним дыханьем.
Дым деревень твоих всё пахнет, хоть далёк.
Весна лицо небес дождём умоет ранним,
Теплом зальёт поля, поднимет стебелёк.

Народ литовский, в грозы испытаний
Мне ль не любить его, как капле океан!
О, сколько сказок он сложил и выткал тканей,
Как пел он песни в поле, песней пьян!

Петь языком его мне, знать, судьба судила.
Я был бы без него отростком без корней.
От радости и горя — сердца сила.
И сердце будет с ним, как в битвах прошлых дней.

1942

ТОСКА ПО РОДИНЕ.

Когда в твоих мечтах встают родные дали
И ты стремишься к ним, тоскуя и скорбя,
Пускай тяжёлый груз тревоги и печали
В суровый час войны не тяготит тебя.

Пускай взойдёт зерно тоски твоей по дому
Хлебами на полях колхозного жнитва.
С косой ли ты пройдёшь по клеверу густому,
Одна в тебе мечта: свободная Литва.

Любовь к родной земле, истоптанной тевтоном,
Излей на русские, свободные поля.
Литвину гордому не быть порабощённым,
Гляди: вся Русь — за ним, вся вольная земля!

Когда развалины родных тебе предместий
Ночным видением тревожат твой покой,
Старательным резцом впиши всю ярость мести
В снаряд убийственный, обточенный тобой.

И на фронтах, когда твои литые пули
Начнут косить ряды разбойных, вражьих рот,
Пусть в грохоте машин и в орудийном гуле
Тоска по родине ведёт полки вперёд.

1943

ЗАКОН БОРЬБЫ

Закон есть возмездия: око за око,
За смерть — смерть, — рождённый в борьбе, он таков.
Прочь жалость из сердца, пусть будет жестоко,
Пускай его радуют трупы врагов!

Смотри, города наши, сёла сгорели,
Огнём наши нивы война залила.
Все реки от крови и слёз помутнели.
Қачаются в петлях родные тела.

Вдова или мать у дороги рыдает?
Ужасен детей обездоленных плач.
Озлобленный варвар музеи сжигает,
И школы в тюрьму превращает палач.

Идут они, словно голодные звери,
Ползут саранчою по всходам хлебов...
Воздастся за всё им, за всё в полной мере,
Заблудятся в чаще своих же крестов!

Грабители, воры, они кровожадны, —
Как подлых убийц, эту свору встречай:
За слёзы, за кровь, за огонь беспощадный
Пощады в кровавом бою не давай!

Закон есть возмездия: око за око, —
За кровь своей кровью заплатит нам враг.
Прочь жалость из сердца, пусть будет жестоко,
Когда поведёт тебя в пламя атак!

1942

ЛИТОВСКОЙ ЗЕМЛЕ

Плодородной, цветущей страной ты была,
И, как мать, дорога нам вовеки.
Помню хлеб твой обильный, сады без числа,
Молока разлитые реки.

Очи радовал нам круторогий твой скот,
Свиньи тешили тучным приплодом.
Стар и мал вечерами, бывало, поёт.
Пахнет в воздухе липовым мёдом.

Поутру небеса голубели, как лён,
Хлебом пахли дымки над деревней.
Был насильник богатством твоим распалён,
Красотою и славою древней.

Ты была для него, как бесценный алмаз,
Вор бесстыдный прельстился тобою.
И пришёл, и тебя он похитил у нас,
И предал грабежу и разбою.

Он зубами вгрызается в тело твоё,
С летних пастбищ угнал он отары,
Он разграбил и поле, и сад, и жильё,
Разорил погреба и амбары.

Ты, родная, его не питай, не пой,
Ополчись на злодея бедою.
Пусть полягут и высохнут нивы твои,
Зарастут лопухом, лебедою.

Пусть он камни найдёт вместо свежих ключей,
От коров молока не напьётся,
В городах не увидит спокойных ночей
И от пули в лесу не спасётся.

Пусть бежит, не успев ни присесть, ни вздохнуть,
Пусть издохнет он смертью голодной.
Только саваном вору проклятому будь,
Будь злодею могилой холодной.
1942

П О Р А Б О Щ Е Н Н Ы М

Сжав кулаки и стиснув зубы,
Вы ждёте солнечного дня.
Весна победы трубит в трубы,
Набухли соком зеленыя.

В неволе, с голоду и стужи
Цвет ваших лиц серей земли,
Но, гневом дух стянувши туже,
Все муки вы перенесли.

Как зёрна под глубоким снегом,
Вы зимний вытерпели гнёт, —
Так пусть же молодым побегом
Для вас свобода вновь взойдёт.

Пусть на худых, суровых лицах
Пылает жарче пламень глаз,
Пусть сердце не устанет биться,
Пусть гнев кипит в груди у вас.

Сжав кулаки и стиснув зубы,
Терпите, братья. Даль — ясна.
Мы жизнь несём, и трубит в трубы
Победы близкая весна.

1942

ДЕВЯТЬ

*Поэма*¹

Горел костёр, и свет багровый
Морозный озарял туман.
Держа винтовки наготове,
Сидели девять партизан.

И тёмный лес во тьме неверной
Стеною заслонял ветра.
Что лучше, чем во тьме вечерней
Обогреваться у костра,

Потягивать дымок махорки,
Смотреть на искр летучий след,
Когда ты знаешь, как ни горько:
Тебе других пристанищ нет.

С винтовками наизготовку
Они хранили свой привал, —
Надейся только на винтовку,
Когда ты партизаном стал.

«Ну что ж, согрелись на привале? —
Сказал им командир. — Пора!»
Они патроны сосчитали
При свете тихого костра.

¹ Печатается в сокращённом виде.

Гранаты за пояс заткнули,
Стянули крепкие ремни.
Врагов найдут сегодня пули,
Куда б ни прятались они.

Держа винтовки наготове,
Навстречу грозному врагу
И молодой и старый снова
Уходят молча сквозь пургу.

И знамя мщениа над ними
В ночной туманной мгле летит,
В крови, пожарищах и дыме
Литва за смелыми следит.

Леса её, поля вот эти,
Что в пламени ночном плывут,
Родные матери и дети
Их к мести праведной¹ зовут.

Земля в заносах и сугробах,
Закоченевшая, как труп,
Пригорки в соснах тонкорёбрых,
И крик тоски с любимых губ;

Берёзы около деревни,
Столпившиеся вдоль плетней,
Где ты со счастьем ежедневным
Спокойно жил до этих дней;

Голубизна небес родная,
Звезда, глядящая с высот, —
Все боевых друзей сзывают,
Все провожают их в поход.

Так девять шли к селу родному,
Укрытые в седых снегах,

И старому и молодому
Неведом в грозной схватке страх.

Течёт, как серебро, сиянье
Взошедшей из лесов луны.
В селе могильное молчанье,
Дома угрюмые темны.

Ещё вчера с вечерней тьмою
В селение ворвался враг
Жестокой сворой воровскою, —
Пожары осветили мрак.

Разграбив сундуки и хаты,
Согнав со всей деревни скот,
Заснули пьяные солдаты,
Поставив стражу у ворот.

И партизаны по сугробам
К селу крадутся напрямик,
Чтобы рвалась гранатой злоба,
Был слышен ночи смёртвный крик.

И тенью, птицею летящей
Они скользят, смыкая круг,
И слышен в тишине щемящей
Взволнованного сердца стук.

Храни их, тишина ночная!
Ещё один прыжок вперёд.
На них собака не залает, —
Признает: это свой идёт!

Их клеть соломенная встретит,
Укроет, как родная мать.
В тени знакомой этой клетки
Ты без опаски можешь стать.

Гром к небу тёмному поднялся.
Бегут солдаты из домов.
Кто от гранаты жив остался, —
Тот стал мишенью для стрелков.

И, рухнув во дворе, солдаты
Грызут оледенелый снег.
От взрывов вздрагивают хаты...
Но вот кончается набег.

Ещё клокоцут клубы дыма,
Текут, как утренний туман,
Но вот уже в свой дом родимый
Заходит первый партизан.

Сестру обнял рукою твёрдой:
«Пусть больше нам не знать беды.
Не плачь, лежит обидчик мёртвый,
И выюга замела следы...»

И, вздрагивающие плечи
Обняв, в глаза он смотрит ей.
Она спешит друзьям навстречу
И приглашает в дом гостей.

Она за стол их усадила
И угощенье достаёт.
Какая радость осветила
Лицо усталое её!

И все смеялись, ели вволю,
Их не страшила смерть сама.
И не пугала их неволя,
Светлей казалась неба тьма.

«Ну что ж, пора и в путь-дорогу», —
И первым командир встаёт.

Трофеи сосчитали строго,
Отобранный вернули скот;

Обоз немецкий разгрузили,
В дома вернули сундуки,
И сёстрам с воза возвратили
Холста и полотна тюки.

Опять полны амбары, в хлеве
Коров мычанье и телят.
Тогда односельчанам девять
«Прощайте», — тихо говорят.

Ещё вокруг осталось много
Бедой согбённых деревень,
И многие дома в тревоге
Всё ждут благословенный день...

Когда сквозь тусклые туманы
Заря пробилась горячо, —
Уже исчезли партизаны
С винтовками через плечо.

Ушли, как сказочные братья,
И снова тишина кругом.
Лес принял их в свои объятья, —
Для партизана он, как дом.

Он обогреет и приветит,
Расстелет ветви, как кровать,
И колыбельной песней встретит,
С врагом поможет воевать.

И вновь с винтовкой наготове
Сидели девять партизан.
Горел костёр, и свет багровый
Морозный озарял туман.

И боевую песнь похода
Поют они перед костром.
Она летит под тёмным сводом
И будит, как весенний гром.

Мы партизаны грозные,
Защитники Литвы.
Нам за свободу родины
Не жалко головы.

Винтовочки стальные,
Тулуп сошьёт жена,
Мы за тебя воюем,
Родимая страна.

Идём мы бить фашистов,
Крушить их черепа,
Нас прячет в тайных дебрях
Укромная тропа.

Нам ели стелют ложе
В ложбинке под кустом,
Мы проползём без звука
И пролетим верхом.

Фашисты нас боятся,
Как мелкий лист, дрожат,
И там, где мы проходим,
Лишь трупы их лежат.

В бой за страну Советов
Сам Сталин нас ведет,
Врага повергнуть в битве
Клянётся наш народ.

Когда Литву ты любишь,
Спешу в отряд, сосед.

В сраженьи за свободу
Для трусов места нет!

Мы вышли в бой великий
За родину свою,
И эту песнь походную
Сложили мы в бою...

Так девять пели эту песню
С винтовками вокруг огня.
И молодой и старый вместе
Дождутся радостного дня.

И словно братья в сказке грозной,
В бой на врага они идут, —
Там спустят эшелон с откоса,
Здесь на обозы нападут;

И где-то будет дым клубиться,
Обрушатся во мгле мосты.
И ждёт предателя, убийцу
Смерть на пороге темноты.

И бить врага не перестанут,
Пока он бродит по стране.
Солдатский пояс туго стянут,
Висят гранаты на ремне.

Горел костёр, и свет багровый
Морозный разорвал туман.
Держа винтовки наготове,
Ждут ночи девять партизан.

1943

ОНА БУДЕТ СВОБОДНОЙ

Нет, не будет она на коленях стоять перед вами,
Головы светлорусой пред вами не склонит она,
И молить о пощаде не будет сухими губами, —
В кандалах, как раба, униженья и скорби полна.

Ей галиндов и пруссов жестокою участь готовя,
Семь веков на неё беспощадной войною вы шли...
И земля содрогалась, и реки вздувались от крови, —
Вы её ограбляли, её вы громили и жгли.

Вы неистовым пламенем выжечь глаза ей грозили,
Вы бы сердце ей вырвали в злобе звериной, тупой,
Но боролась она, ваши полчища в битвах осияя,
И — покорною и бессловесной не стала рабой.

И сказанья о славе в столетьях рокочут, как трубы,
Одолела она чужеземцев, суливших ей гнёт.
Как на поле Грюнвальдском поверженных рыцарей трупы,
Так сгниёте и вы в глубине её зыбких болот.

Головы светлорусой не склонит она перед вами,
На колени пред вами её не поставит беда.
Вот она сыновей на борьбу ополчает с врагами, —
Нет, рабынею вашей не станет она никогда!

1942

ЛИТОВСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

I

Ты выросла из книг писанья, из катехизиса, псалтири,
Тщедушна, как росток весенний, шершава, как чертополох.
Но и тогда, в едва рождённой, был дух борьбы в тебе, и
шире
Раздуться пламя обещало из робко замерцавших крох.

Вот первые твои страницы, их буквы острые, витые, —
В письме обозначалась робость, руки младенческая дрожь.
Но вот, за длительной засухой, они набухли, и впервые
Стал прорастать зелёный колос, заволновалась рожь.

И летом и зимою долгой, знай, утирал свой пот солёный
Крестьянин в крепостной неволе мозолистой рукой.
Бур на одних твоих страницах поведал о тоске народной, —
Навек в гекзаметрах остался его язык простой.

Страздялис — серенькая птаха — свивал гнездо в твоей
вершине,

И песнь его весну сулила глухим декабрьским вечерам.
Бледнела ночь. Зарозовели туманы утра. На равнине
Огни до света зажигались по пробуждённым хуторам.

Гремел топор, пила скрипела и сосны падали, бывало,
Кто пропоёт о смерти бора, о том, как сумрак был тяжёл.
Чтобы не мог заметить недруг, листок твой тонкий
ночь скрывала,
Заря едва-едва мерцала под кровом бедствующих сёл.

Но запрудить нет сил потока, когда весною лёд прорвёт он.
Ты разлилась, ты напоила разгорячённую страну.
Звуча, как колокол весенний, ты наш народ звала к работе,
И смело брались молодые за плуг, за книгу, за струну.

Ты приносила возрождение. Раскаты грома грохотали.
Вздыхала ты свою вершину, что ясень молодой.
Когда войны примчалась буря, твои лишь крепче ветви
стали, —
Тогда увидел я впервые твой ствол прямой.

Меня влекло в твои чащобы, под зеленеющие ветви,
Где сосен ропот, говор елей, в бор, где гудят дубы.
Меня минувшее манило, давно почившие столетья,
И глубь таинственная сердца, дух боя и борьбы.

Тебя любил я чувством сына, тебя люблю я, сердцем молод.
Ты для меня была измлада — жизнь, и борьба, и страсть.
Я припадал к твоим потокам, ты утоляла юный голод,
И голова моя пьянела, твоих лугов впивая сласть.

Когда же лишаи ржавели вдоль по ветвям твоим зелёным,
Тогда я приходил их чистить, как некий садовод,
Как было любо мне, что ржали твоей весны лихие кони!
Как я желал, чтоб в вечных звёздах не увядал твой
небосвод!

К тебе, родимая, взывал я: о будь, как ветер, вольный
ветер!
Отважная, не знай покоя! Костёр могучий разведи!
За твой подъем, твою свободу охотно б дал я всё на свете.
Я поднял сердце, словно знамя, я шёл с тобою — впереди.

И вот надломлена ты снова, твой ствол могучий раскололи.
Железным вихрем вновь оборван тенистый твой покров.

В твоём весеннем расцветании тебя опять ведут в неволю,
Сквозь дым войны, через могилы, через руины городов.

Ряды расстроились. А буря швыряет, гонит их и ранит...
У тех зажаты губы, эти — покинули жильё.
Я вижу вас, друзья, в пожаре, в неумолимом урагане,
На поле брани, за морями... Мы все — сыны её.

А ведь настанет день — вернёмся, как прилетают в марте
птицы,
На широко простёртых крыльях, под бурями закалены.
Пусть для тебя в тот час, родная, земля цветёт и колосится,
Пусть сердце пропоёт любимой песнь возрожденья и весны.

II

Теперь нам заново писать и с новой силой —
Проливой крови, слёз и лютых битв отчёт.
Не лягут на листы спокойные чернила,
Но ненависть в тебе сегодня потечёт.

Ты стала вновь — оружие боевое,
И вновь к борьбе зовёт твой каждый знак.
Писатель в эти дни стал снова воин, —
Опять сражён горящим словом враг.

Тебе твои творцы дают приказ: бороться!
Их кости древние зывают из земли.
Дай утешенье тем, кто в путах плена бьётся,
Страницей пламенной врага испепели.

То Донелайтис нам вещает громче бури,
Как милую Литву пришлец тевтон томит.
Пусть кровь, что стыла в жилах буров,
Терзает нас горчайшей из обид.

Бить немцев нас учил Валанчюс-архипастырь,
Нас Дукантас вводил в чертоги старины.
Тевтоны для Литвы готовили напасти...
Отцы на сечу шли, и мы идём — сыны.

Пьют из твоих страниц свою отвагу братья.
Майронис их зовёт, — чтоб каждый стал герой.
Ты трусов лоб клеймишь огнём проклятья,
Тебя ж — не удавить петлёй!

Ты знаешь прошлое — под боевым курганом,
Там Дурбе и Грюнвальда рать.
И песни, и сказанья ты дала нам,
В них родину велишь нам защищать.

Друзья, моей Литвы писатели, поэты!
Хочу, чтоб клич её до ваших душ дошёл.
Вновь льётся наша кровь, но, кровью той согретый,
Пусть громче зазвучит придушенный глагол.

Должны мы заново писать и с новой силой
Пером заостренным, как лезвие меча.
Не лягут на листы спокойные чернила, —
Пусть ненависть в тебе струится, горяча.

МОЯ БИБЛИОТЕКА

На стройных полках дружеской семьёю,
Одетые в сафьян и в коленкор,
В серебряном и золотом свеченьи
Стояли вы передо мною.
И к вам привязан был я с давних пор,
Как мать к ребятам. С вами вместе день я
Встречал, и вместе с вами в тишине
Полночной бодрствовал. Прекрасной новью
Дыша в лицо, как краскою сырой,
Вы приходили в комнату ко мне,
И со страниц, листаемых с любовью,
Беседовали запросто со мной.
Шли годы. В комнате моей опрятной
Вас больше стало, — шире раздались
Её приземистые стены...
Я мир увидел светлый, необъятный,
Бездонную увидел высь
И времени полёт самозабвенный.
Так мудрость вечная душе моей
Открылась, как вселенское раздолье,
Лучом сверкнув с разогнутых листов.
И стала ещё ближе и милей
Мне ваша речь, когда глубокой болью
Сестёр и братьев пролитая кровь
Отозвалась в душе, — когда глухая
Тьма на Европу тучей налегла
И в этой тьме вы на кострах сгорали,
Огнём своим печальным озаря

Дорогу к правде, что, как мир, светла.
К борьбе вы звали тех, кто видит дали
Грядущего, меж тем, как у костров
Плясали разъярённые вандалы,
Смерть собирала вновь свои полки,
Сгущался мрак, безвыходен, суров.
Я видел, как германец одичалый
Народы зажимал в тиски,
Как он разбоя овладел наукой,
Нам воскресив тупого троглодита...
Сквозь грохот пушек, дальний и глухой,
Я слышал голос ваш. Безмерной мукой
Он из-под пепла мне звучал и скрытой,
Но тягостной меня томил тоской.

На крепких полках стройно вы стояли,
Когда, стопами танков громяхая,
Война вломилась и в мою страну.
Нагрязнул день разлуки и печали,
И, собираясь из родного края,
Я вам, как остающимся в плену,
Я вам, как обречённым на смерть злую,
Сказал: «Прощайте». У дверей на миг
Свой взгляд я задержал на переплётах, —
Горело солнце, полосую
Лучом багровым ряды любимых книг.
Вот-вот враги сюда ворвутся; вот их
Начнут на части рвать, ожесточась,
Виньетку нежную сапог пудовый
Растопчет. Оплюют они Шекспира,
Платона, изорвав, затопчут в грязь.
В окошко Гейне вышвырнут средь рёва
Ликующего; будут книги сирот
Лежать, растерзанные, по углам.
И будут ржать,
Пресытившись, злодеи
И воздух смрадом трупным заражать.

Но разум — он упорен и упрям, —
Уже проклятие врагам тупым
Начертано рукою Галилея,
Великим произнесено Толстым...

И в миг, когда, простившись грустно с вами,
Я вышел и осталась для насилья
Открытой дверь, — сопровождал меня,
Со мной шагал далёкими путями
Ваш гордый дух... Он, словно крылья
Орлиные, сквозь бешенство огня
Стремит нас в бой, чтоб туча, над вселенной
Висящая, развеялась; зовёт
Обрушить смерть на полчища чужие...
И в этой битве с нами неизменно,
Плечом к плечу шагает он вперёд.
Когда ж, сломив фашизма тиранию,
Мир радостно вздохнёт, — тогда опять
Творенья мысли, светлые, живые,
На полках станут золотом играть.

1942

ОСТАВШЕЙСЯ В НЕВОЛЕ

Как часто, волнуемый мукой твоей,
Не спал я, очнувшись во мраке ночей.
Судьбы твоей ужас мерещился мне
Видением страшным в мучительном сне.

Мне виделась: бледный твой лоб и уста,
Сковала их каменная немота.
Когда-то сиявший, был тёмней твой взор,
На чёрную смерть ты смотрела в упор.

И боль, и кровавая рана твоя,
И слёз твоих скорбных скупая струя
Глухой безнадежностью множество раз
Мне сердце сжигали в полуночный час.

Судьбы твоей ужас мерещился мне
Видением страшным в мучительном сне.
И часто, измученный мукой твоей,
Не спал я, очнувшись во мраке ночей.
1943

ТВОИ ОБРАЗ

Мне светлый образ твой страдание разлуки
Переносить даёт, горя звездой в ночи;
Какие бы меня ни раздирали муки,
На путь мой сумрачный бросает он лучи.

С тобою разлучён судьбою, как святыню
Я память о тебе в душе своей таю.
Как путник, жаждущий глотка воды в пустыне,
Я жажду лишь тебя, любимую мою.

И если суждено мне пасть на поле брани,
Пред смертью буду я прощаться лишь с тобой.
И взором гаснущим увижу, как в тумане,
Вдали сияющий, любимый образ твой.

1941

ЖАЛОСТЬ

Не умел я любить тебя, знаю,
Не умел в те года.
Поздно жалеть, родная, —
Боль не пройдёт никогда.

Лишился последнего сна я,
Радость душе чужда,
Не умел я любить тебя, знаю,
Не умел в те года.

А теперь золотая, иная
Засветилась бы в небе звезда,
Но вернётся ли дней череда?
Сожалеть о ней поздно, родная,
Не умел я любить тебя, знаю.
1942

ВЕСНА

Набухли почки соками земли весенней,
Надулись реки кровью голубою.
Я помню, как весны ждала ты в нетерпении,
Как собирали ландыши с тобою.

Куда девались лес, и светлый день в апреле,
И озеро на жарком солнцепёке?
Весенние лучи в берёзнякае горели,
Веснушки брызгами легли на щёки.

Порою жаворонок опьянял нас трелью,
Он камушком казался нам, бывало.
Я помню — слёзы на глазах твоих блестели,
Спросил: «О чём?» — но ты сама не знала.

Как сок берёзовый, текут воспоминанья,
Захлёстывают острою тоскою,
Они удваивают горечь и страданье.
А ветер шелестит над мутною рекою,

И журавли летят на север вереницей,
Бушуют громы в синеве весенней.
Мне в журавлиных криках стон твой мнится,
В весенней буре ждешь освобожденья.

1942

* * *

Ни глаз, ни губ твоих, быть может,
Я не увижу никогда.
Но образ твой меня тревожит
Сквозь эти грозные года.

Пускай всё это лишь мечтанья,
Лишь боль, которая томит, —
Как веру в близкое свиданье,
Мои сомнения прими.

1942

КОГДА МЫ ВСТРЕТИМСЯ

Я часто предаюсь мечтаньям
О том, как свидимся с тобой,
Когда с дороги испытаний
Вернусь, израненный судьбой.

Быть может, на заре туманной,
Быть может, в полдень ворочусь,
А может, ночью — гость нежданный —
В родные двери постучусь.

В погожий день или в ненастье,
В снегу или в пыли дорог, —
Я захлебнусь слезами счастья,
Когда ты выйдешь на порог.

С улыбкой грустной, несвязно
Заговорим мы невпопад.
И ты расскажешь мне не сразу,
Как много понесла утрат.

И лишь потом ты вдруг заплачешь,
Припавши к моему плечу.
Я ливнем слёз твоих горячих
Сухие губы омочу,

Я расцелую ранний нней
На волосах, морщины щёк...
Под утро, в полдень, в вечер синий, —
Кто угадает встречи срок?

1943

Т Е Б Е

Ты жди меня, как ждёт росток весенних рос
И таянья снегов в долине голубой.
Вернусь я с первым громом гроз
Победу славную отпраздновать с тобой.

Я принесу тебе свободу и любовь,
Ты голову ко мне положишь на плечо.
И счастье прежних дней к тебе вернётся вновь,
Засветится оно в глазах твоих лучом.

Я принесу тебе ночей бессонных груз,
Тоску бездонную, как глубина морей.
На дне их только ты, любимая — клянусь! —
Была единственной жемчужиной моей.

Твою любовь хранил, как искорку тепла,
Средь пепла и золы пожарища войны,
Чтоб нас двоих она попрежнему могла
Воспламенить огнём бушующей весны.

Так жди меня, как ждёт росток весенних рос, —
Пробьётся на простор зелёный стебелёк.
Грохочут пушки громче гроз,
И вешний гул побед несётся вдоль дорог.

1942

* * *

Мне снится — глажу шёлк волос твоих ладонью,
Мне снится — детский смех звучит в тиши ночной.
А память о былом в тени печальной тонет,
Но, как живая, ты всегда передо мной.

И если вижу я, томясь в разлуке,
Как нежит мать дитя, я вновь тебя зову,
Издаю к тебе протягиваю руки,
И птицей мысль моя уносится в Литву.

Звонит ли голосок твой в роще дальней?
Щебечешь ли в саду, как ласточка весной?
Или, склонившись с песней погребальной,
Коснулась смерть тебя рукою ледяной?

Как стебель, солнца и дождя лишённый,
Ты, может быть, уже увяла, отцвела,
Угас твой взор, в руинах погребённый,
Забвеньем всё покрыла серая зола?

О нет, исчезни страшное виденье!
Война и с нею смерть окончат свой покос,
Услышу вновь я твой ребячий смех и пенье
И буду гладить нежный шёлк твоих волос.
1941

ДЕТИ

О дети с золотыми волосами,
С глазами синими, как лён в цвету!
Как часто я гляжу, любуясь вами,
На вашу радостную красоту.

Средь игр своих живёте вы, как в сказке,
И вам легко, как мячику, скакать,
И сладок сон ваш в маленькой коляске,
Когда вас грудью питает мать.

А мимо вас идут на фронт отряды,
Проходят с песней, с музыкой бойцы, —
Туда, где рвутся бомбы и снаряды,
Где бой за вашу жизнь ведут отцы.

Подниметесь вы молодёжью стройной
Из детворы, играющей сейчас, —
О, неужели будут так же войны
Грозить в расцвете юных сил и вам?

О, нет! Грядущее у вас иное:
Для вас цветами заалет новь,
Которую сейчас на поле боя
Дождём обильным поливает кровь!

1942

МАТЬ

Её я встретил в дни сражений...

Гремели танки. Беженцев река текла бурливо.
Телеги, кони и летящих мин гуденье,
Стенанья, крики, бомб разрывы,
Плач скорбных матерей, упавших на колени.

С трудом, сквозь огненные дали,
Безмолвно шла она в дыму селений.
Отряды грозных всадников скакали.
Пустых садов обугленные тени...
И пахарь, бросив плуг, бродил среди развалин.

Беременная, так устало
Склоняла голову она в тоске, в бессильи...
Над нею смерть крылатая летала
И простирала к ней свои стальные крылья.
И сердце в страхе неизбывном трепетало.

А боль всё ближе подступает...
Сейчас родит она, под ветром этим,
Младенца примут — кровь, земля нагая.
Здесь, на путях войны, её я встретил —
В мир с новой жизнью мать вступала молодая.

1941

СЛЁЗЫ ВОИНЫ

Я видел, как мужчины плачут, —
Не слабость это в трудный час.
Поникли, муку в сердце пряча,
В то лето многие из нас.

Глаза свои украдкой, быстро
Старались вытереть они,
А в их слезах сверкали искры
Надежды на иные дни.

Из глаз те слёзы источала
Жён безутешность, боль сирот.
Но шутка всё ж порой звучала, —
Так шутит в бедствии народ.

А ночь в понуром мраке снова
Снимала маску с бледных лиц.
Мощь в сердце копится сурово,
Когда смахнёшь слезу с ресниц.

В лице моём не вспыхнет пламень
Стыда за горечь слёз мужских.
Ведь слёзы прожигают камень,
Когда мужчина пролил их.

1942

ВСТРЕЧА

Тебе он пишет с поля боевого,
Тебя женою в письмах он зовёт,
Мечтая хоть на миг увидеть снова
Твой чистый взгляд, где молодость живёт, —
Твои глаза, что светят, сердце согревая,
Там, где в крови равнина снеговая,
Где он ползёт на вражеский окоп
Сугробами — с сугроба на сугроб,
Победу в жарких схватках добывая,
И где, храня твой образ дорогой,
Не знает, почему тебя зовёт женой...

То было в том краю, куда не залетала
И птица даже из страны родной,
Куда из дому, как порывом шквала,
Тебя внезапно унесло войной, —
В краю прозрачном, знойном и далёком,
Где золотистым, веселящим соком
Луч солнца наливает виноград,
Где, как возлюбленной глаза, пьянят
Струи вина, подёрнутые пеной...
Наверно, встретили друг друга вы,
Как все мы в молодости незабвенной:
Он — юноша, боец обыкновенный,
Ты — девушка из облачной Литвы.
Он ранен был. Оправясь от раненья,
Теперь на фронт он уезжал опять.
Прощальных дней печальные мгновенья

Всё не переставали вы считать.
Его последнее дышало слово
Надеждою тебя увидать снова,
Когда с победой возвратится он.
В день расставанья хмур был небосклон,
Качался ливень мутными столбами,
Любимому горячими губами
Лицо от ветра согревала ты.
В них было столько нежной теплоты,
Что там оледенить её доселе
Не могут злые севера метели.

Теперь ему ты кажешься женою,
Ты всех ему дороже и милей,
Тебя зовёт он близкой и родною,
Живёт и дышит нежностью твоей...
И не подозревает, что была ты
Мгновенным озарением лучей,
Ушедших в даль, — и, может, без возврата, —
Рассеявшихся, как рассветный дым...
Хоть этого не знает он доселе,
Но там всегда стоишь ты перед ним,
Когда по рыхлым тропам снеговым
Он на врага идёт под свист шрапнели.
И потому, тоскуя и любя,
Пусть он зовёт своей женой тебя.

1942

ТВОЯ ЮНОСТЬ

Твоя юность нас опьяняет.
Только это — не хмель любви.
Это воздух утра сверкает,
Солнце утра блещет в крови,
Когда, брызнув из туч, спросонок
Оно думает мир обнять.
Ты не женщина, ты — ребёнок.
Наших чувств тебе не понять.
В твоей юности, сладко зреющей,
Ищем прошлое мы своё.
Юность! Юность! Глядишь и надеешься
В твоём взгляде встретить её.
И легко надеешься снова
Невозвратные дни догнать.
Мира юности, мира иного
Чувства — ждёшь — оживут опять,
Что душой возродишься снова,
Исцелишься от тяжких ран,
Что исчезнет след их суровый,
Как рассветный ранний туман.
Когда смех твой звонко сверкает,
Брызжа молодости огнём,
Сердце даже само не знает,
Что за чувство родится в нём.
Твоя юность нас опьяняет,
Солнцем утра блещет в крови.
Так чиста лишь любовь бывает,
Только это — не хмель любви.

1942

КАВКАЗСКИЙ МОТИВ

Напоминаешь мне порою осень,
Но не литовскую, в дыму тумана,
С небесной полинялой глубиной,
Когда сады пустеют, дождь несносен,
Отсвечивают листья желтизной.

Я не дышал осенним ароматом,
Какой в горах бывает Аястана,
Видать полей твоих не довелось.
Там, может быть, туман над Араратом,
И ночь темна, как прядь твоих волос.

Но ты зовёшь меня в страну Востока,
Манящую таинственно и странно,
Как небо в осень журавлей манит.
Там горы вечные взнеслись высоко,
Но ранний холод розы умертвит.
1942

РУССКАЯ НОЧЬ

Иду. А под ногами снег скрипучий.
Сияет неба зимнего простор.
Белесоватой редкой дымкой тучек
Прозрачных звёзд чуть затуманен взор.

А ночь холодная полна гуденьем
Струн в серебре, висящих на столбах.
Поля в сугробах спят седым виденьем.
Дыханье ветра стынет на губах.

Иду, внимая звукам онемелым,
А тайны бытия не превозмочь.
И только снег сверкает блеском белым,
И звёзды в небе. Ночь. Какая ночь!
1941

ДВА ЛИСТА

Два с дерева сорванных бурей листа
В весеннее утро на землю упали.
В их жилках таилась ещё теплота,
Но, пылью покрывшись, они увядали

И так им хотелось подняться на миг,
Опять очутиться на ласковых клёнах,
Где солнце, целуя, лелеяло их,
Погреться пред смертью меж листьев зелёных.

И ветер, примчавшись, их поднял с земли.
Понёс далеко над сухими полями,
Кружа в разметавшейся душной пыли,
Дорогой войны, грозowymi путями.

И тесно прижались друг к другу они,
В последнем объятии страсти тревожной.
Хоть небо темнеет в зловещей тени,
Хоть яростно хлещет их ветром дорожным, —

Им всё ещё грезится та теплота
И шопот деревьев, листвою шуршащих...
И мчатся два сорванных бурей листа,
Покуда не бросит их ветер уставший.

1943

ВЕСЕННЯЯ ПЕСНЯ

На пороге весна,
И несёт нам она
Песню зелени — звонкую птицу.

Станет в небе светло.
Песня вскинет крыло,
Улетит в синеву, распылится.

Зазвенит синь озёр,
Перекликнется бор
С серебристой волною речною.

Слившись с песней в одно,
Будет сердце полно
И забьётся от счастья весною.

1942

ВОЗРОЖДЕНИЕ

На тропях войны, в клубах дыма густых и тяжёлых,
В усадьбах, горящих, как факел, в разрушенных сёлах,
Где пепел засыпал сады, и дорогу, и поле,
Где ветви деревьев качаются, точно от боли,
И детские трупы лежат на пустом пепелище;
В обугленных улицах, где погорели жилища,
Сквозь грохот гранат, скрежетание танков, смятение
В рассветной заре я увидел твоё возрождение,
Твоё возрождение!

Боец проходил в окопной грязи, с лицом утомлённым,
Шаги отдавались, как эхо, мучительным стоном.
С обрызганным кровью штыком он тащился устало,
Сугробами полз он, запрудами плыл как попало,
Страдал от жары, коченел он от вьюги суровой,
Не раз умирал, возрождался — дивизией новой!
В кровавых потоках, во взрывах снарядов, в сражении,
Как знамя, он поднял высоко твоё возрождение,
Твоё возрождение!

Я знаю: рассвет озарит синеву небосвода,
Сады зацветут, снова пчёлы искать будут мёда.
На плуг перековывать меч станет воин счастливый,
Не танки, но трактор в поля поползёт и на нивы.
Тогда призовёт всех нас родина к творческой жизни,
И светлое счастье навек воцарится в отчизне.
Как солнце, меня пронизало святое волнение,
Когда я в грядущем увидел твоё возрождение,
Твоё возрождение!

1942

ДОРОГА ВОЙНЫ

*Бойцам литовских частей
Красной Армии*

I

Вас окружали дали
Завьюженной земли.
В походе вы устали,
Но не сгибаясь шли.
Зима вам отдавала
За пядью пядь с трудом.
Кругом — одни обвалы,
Ни дерева — кругом.
Стеной сугробы встали,
А под ногами лёд,
И даже кони сдали, —
Так долог был поход.
Казалось, что нехватит
Сил до конца дойти,
Что примут вас в объятья
Снега среди пути,
И что ружьё стальное
Руке не удержать,
Что ранец за спиною,
Как каменная кладь.
Но сердце не устало,
Оно вело вас в бой.
Грядущее сияло
В равнине снеговой.
Вставал перед глазами
День будущих побед,

Струился над полками
Его багряный свет.
И каждый видел дал
Родной Литвы своей —
Вы шли и побеждали,
Вы сердцем были с ней!

II

Под знойными лучами
Вы шли, стянув ремни.
Кровь, пролитая вами,
Как дальние огни,
Вела вас снова в дали,
В гул ночи фронтовой,
Где сёла догорали,
Где танки шли стеной.
Вас призывали к мщенью
Заживших ран рубцы,
И снова вы — в сраженьи,
Литовские бойцы!
Вы яростно сражались,
Сполна платя врагам,
Как буря, вы промчались
По вражеским рядам.
И, мстя за скорбь народа,
За боль родных краёв,
Вы им несли свободу
На острие штыков.
В Орловщину вступали,
И у своих домов
Крестьянки вас встречали
Как братьев, как сынов.
К селу «Литва» шагая,
Вы верили — жива
Желанная, родная,
Любимая Литва!

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Путь на Литву ведёт меня.
Он от гранат и мин в осколках.
Быть может, полосе огня
Нас разделять уже недолго.

Всё враг с земли цветущей смёл,
Остались выжженные нивы,
Скелеты городов и сёл
И черепа среди крапивы.

И там, где был отцовский дом,
Я не увижу сердцу милых,
А лишь поросшине быльём
И позабытые могилы.

Не слёзы счастья заблестят
В глазах в минуты возвращенья, —
Отравит сердце горький яд
Печали, злобы, жажды мщенья.

Пусть будет мрачен мой приют
И у развалин ветер свищет,
Но, знаю, раны заживут
Вблизи родного пепелища.

Идём, и даль во мгле ясней.
Шагаем дни, шагаем ночи.
Грусть по отчизне всё сильнее,
Путь до отчизны всё короче.

1944

ОСВОБОДИТЕЛЯМ ЛИТВЫ

Друзья, бойцы из Казахстана,
Бойцы с украинских полей
И с солнечных степей Кубани, —
Где кони быстры, словно лани, —
С гор Грузии и Аястана, —
Где в винограде зной лучей
Вином струится горячей, —
Из необъятной дальней шири
Тайги и мёрзлых тундр Сибири, —
Вы защищаете в бою
Литву советскую мою,
Хотя, быть может, не видали,
Как сини там весною дали,
Не знаете, быть может, вы,
Как пляшут девушки Литвы,
Как рутой украшают косы
И как поют звонкоголосо...

Пусть вы не видели Литвы,
Но вы литовского народа
Защитники! Прогнав врага,
Вы вновь вернёте ей свободу.
Как мне, Литва вам дорога,
Её поля, её луга,
Колхозные ряды покосов,
Селений дым по вечерам
И девушек светловолосых
Улыбка, — всё так близко вам.

Литва моя для вас — родная,
И раны родины моёй
В груди у вас болят, пылая,
И ваша ненависть стальная
От крови наших рек сильнее!

Товарищи красноармейцы,
Ведь вы освободить должны
Литву, как часть своей страны.
Звездой над нею заалейте!
Скорей! Скорей! Литва зовёт.
Когда, прогнав фашистский сброд,
В боях вернёте ей свободу, —
Литва, оживши, встретит вас
Сиянием лучистых глаз,
Улыбкой синей небосвода,
Целуя ветром вас в лицо.
И девушки, украсив косы,
Встречать вас выйдут на крыльцо
И запоют звонкоголосо,
Как птицы, и, роняя слёзы,
Обступят вас толпой берёзы.
На вас по-матерински взглянет
Родного неба синева,
Свободной и счастливой станет
Моя советская Литва!

1942

СЛОВАРЬ И КОММЕНТАРИИ

Вайдилы — народные певцы у древних литовцев.

Валанчюс Мотеюс (1801—1875) — крупнейший литовский писатель и общественный деятель, жематийский епископ. В своих произведениях, в частности в «Повествованиях Антанаса Третникаса», изобразил героическую борьбу древних литовцев против немецких рыцарей.

Вильнюс — древний литовский город; с первой половины XIV века, со времени княжества великого литовского князя Гедимина, — столица Литвы.

Витаутас — великий литовский князь (1382—1430), расширивший пределы княжества Литовского от Балтийского до Чёрного моря, руководивший разгромом полчищ немецкого ордена крестоносцев при Грюнвальде. (См. Грюнвальд.)

Галинды — старинное литовское племя, полностью истреблённое немецкими псами-рыцарями.

Грюнвальд — местность, лес в Восточной Пруссии, где 15 июля 1410 года был разгромлен Тевтонский орден. (См. Витаутас).

Даукантас Симанас (1739—1864) — первый крупный литовский историк. В своих исторических трудах изобразил борьбу литовского народа с немецкими захватчиками.

Донелайтис Кристионас (1714—1781) — крупнейший литовский поэт XVIII века. Мировой известностью пользуется его поэма «Времена года», в которой он дал потрясающую картину жизни крепостных крестьян, так называемых буров, под игом немецких помещиков и онемечивание Прусской Литвы.

Дурбе — озеро. У этого озера литовские войска в 1260 году разгромили полчища немецких захватчиков — тевтонских псов-рыцарей.

Кестугис — великий литовский князь (1345—1377); прославился своими войнами против крестоносцев.

Каунас — один из самых старых городов Литвы, расположенный при впадении реки Нерис в Немунас.

Литовская литература — в стихотворении упоминаются важнейшие этапы развития литовской литературы.

1-я строфа. Зарождение литовской письменности с появлением в 1547 году первой книги на литовском языке. Это был катехизис, изданный протестантским пастором Мажвидасом.

2-я строфа. Имеется в виду религиозная литература, из которой выросла литература светского содержания.

3-я строфа. Имеется в виду основоположник литовской светской поэзии Кристионас Донелайтис и его знаменитая поэма «Времена года», написанная гекзаметром.

4-я строфа. Стразделисом (дроздом) литовцы называют своего народного поэта Страздаса (1763—1833), который в тяжёлые времена крепостничества призывал к вере в лучшее будущее.

5-я строфа. Имеется в виду поэма «Аникштейский бор» Антанаса Баранаускаса (1835—1910), в которой необыкновенно поэтически воспета литовская природа. В гибели бора символически изображена историческая судьба Литвы.

6-я строфа. Имеется в виду запрет печати (с 1865 по 1904 год), когда литовские книги и газеты должны были печататься за границей и нелегально распространялись в Литве. Первая такая газета была «Аушра» («Заря»). Выход этой газеты в 1883 году способствовал развитию литовского национального движения.

7-я строфа. Перефразировка известных слов поэта Майрониса. Имеется в виду рост национального движения и прогрессивный журнал «Колокол», издававшийся видным литовским журналистом и писателем Кудиркой (1858—1899), имевший большое значение в развитии национального самосознания литовского народа.

8-я строфа. Революционное движение 1905 года и первая мировая война.

Следующие строфы стихотворения автобиографического характера.

Майронис — литературное имя Ионаса Мачюлиса (1862—1932), одного из самых видных литовских поэтов. Певец периода национального движения, Майронис воспел борьбу древних литовцев с крестоносцами. В своей поэме «Наши горести» ярко изобразил ужасы немецкой оккупации в Литве во время первой мировой войны.

Немунас (Неман) — самая большая река в Литве, впадающая в Балтийское море; по берегам её много курганов и развалин старых литовских замков времён борьбы литовского народа с крестоносцами в XIII—XIV веках.

Нерис — самый большой приток Немунаса, с правой стороны. В русской и польской литературе большей частью встречается под названием Вилини.

Паланга — красивый литовский курорт на берегу Балтийского

Моря, место нахождения и обработки янтаря. В литовских преданиях Паланга, помимо других сюжетов, связывается с великим литовским князем Кестутисом и особенно с его женой Бирутей, матерью Витаутаса.

Прусы — старинное литовское племя, полностью уничтоженное немецкими рыцарями-крестоносцами. От пруссов осталось только название обитаемых ими в древности земель — теперешней Пруссии.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие. <i>Корнелий Зелинский</i>	3
Вспоминаю тебя. Перевела <i>С. Мар</i>	7
Вековая борьба. Перевела <i>С. Мар</i>	8
Советская Литва. Перевёл <i>С. Олендер</i>	10
Зима. Перевела <i>С. Мар</i>	12
Карта Литвы. Перевела <i>С. Мар</i>	13
Кровная связь. Перевёл <i>В. Казин</i>	15
Тоска по родине. Перевёл <i>Л. Шифферс</i>	16
Закон борьбы. Перевёл <i>А. Глоба</i>	17
Литовской земле. Перевёл <i>В. Левик</i>	18
Порабощённым. Перевёл <i>Б. Ирнин</i>	20
Девять. Перевёл <i>Н. Асанов</i>	21
Она будет свободной. Перевёл <i>Д. Бродский</i>	28
Литовская литература. Перевёл <i>С. Шервинский</i>	29
Моя библиотека. Перевёл <i>Д. Бродский</i>	33
Оставшейся в неволе. Перевела <i>В. Звягинцева</i>	36
Твой образ. Перевёл <i>О. Румер</i>	37
Жалость. Перевела <i>С. Мар</i>	38
Весна. Перевела <i>С. Мар</i>	39
«Ни глаз, ни губ твоих». Перевела <i>М. Замаховская</i>	40
Когда мы встретимся. Перевела <i>В. Звягинцева</i>	41
Тебе. Перевела <i>С. Мар</i>	42
«Мне снится...». Перевела <i>К. Арсенева</i>	43
Дети. Перевёл <i>М. Зенкевич</i>	44
Мать. Перевёл <i>С. Олендер</i>	45
Слёзы войны. Перевёл <i>Б. Ирнин</i>	46
Встреча. Перевёл <i>Д. Бродский</i>	47
Твоя юность. Перевёл <i>В. Державин</i>	49
Кавказский мотив. Перевела <i>С. Мар</i>	50
Русская ночь. Перевела <i>М. Замаховская</i>	51
Два листа. Перевела <i>В. Звягинцева</i>	52
Весенняя песня. Перевела <i>К. Арсенева</i>	53
Возрождение. Перевела <i>С. Мар</i>	54
Дорога войны. Перевёл <i>С. Олендер</i>	55
Освобождение. Перевела <i>К. Арсенева</i>	57
Освободителям Литвы. Перевёл <i>М. Зенкевич</i>	58
Словарь и комментарии	60

Редактор *С. Хитарова*

Подписано к печ. 26/VII—1944 г.

А—7898. Тираж 10 000 экз.

Объем 2 печ. л. 2,2 уч.-авт. л.

Заказ № 186. Цена 2 р.

2-я тип. изд-ва «Московский
большевик», Москва, Петров-
ка, 17.